

К вопросу об интерпретации образа Кутузова при Бородине в русской прозе

В последнее время нередкой стала дегероизация русской истории, развенчание выдающихся личностей. Под маской всей правды об Отечественной войне 1812 года (с исключением определения «Отечественная») идет поношение событий той славной эпохи, поношение русских полководцев, в частности Кутузова.

В одном из современных периодических изданий в материале о Кутузове высказаны две точки зрения, но под общей рубрикой: «Фельдмаршал, который проспал всю войну»ⁱ. Одна точка зрения названа откровенно «антикутузовской». Нас заинтересовало изложение другой точки зрения с заголовком «Что спит, то пусть спит...» Это цитата из ответа генерала Кнорринга на донос Беннигсена, который сообщал царю о том, что «Кутузов много спит, причем не один. С собой он привез молдаванку, переодетую казачком, которая греет ему постель». Ответ Кнорринга, если он действительно существовал в такой формулировке, оказался остро современным, мудрым: «Румянцев в свое время возил их по четыре. Это не наше дело. А что спит, то пусть спит. Каждый час этого старца неумолимо приближает нас к победе». Последняя фраза афористична. Оценка современником и участником событий 1812 года роли Кутузова в то время далеко еще не завершённой войне оказалась пророческой. Для сторонника другой точки зрения оказалась главной не оценочная часть ответа Кнорринга, а проходная фраза «Что спит, то пусть спит». В таком цитировании просматривается пристрастная оценка образа Кутузова, хотя автор публикации советует порицать Кутузова «без гнева и пристрастия». Пристрастие обнаруживается и когда от имени историков автор предьявляет к Кутузову «ряд претензий». Тот факт, что к Кутузову, как к живому человеку, предьявляют претензии, подчеркивает непреходящее значение образа полководца, его бессмертия. Одна из претензий — это «плохая расстановка сил на Бородинском поле, приведшая к большим, чем у неприятеля, потерям». Но спор о потерях в Бородинском сражении продолжается до настоящего времени. У сторонников трехдневной Бородинской битвы — одни цифры потерь, у их противников — другие. К тому же при подсчете необходимо учитывать все категории потерь (убитые, раненые и без вести пропавшие) как в русской, так и в наполеоновской армиях. Если выдвинутое автором публикации следствие (большие потери в русской армии) является дискуссионным, то и причина («плохая расстановка сил...») не может быть бесспорной, правдоподобной.

В некоторых сочинениях образ полководца нивелируется, упрощается и, таким образом, искажается. Так, в книге историка Н.А. Троицкого о Кутузове, охватывающей огромный круг источников, в том числе историко-художественных, одной фразой подведена черта под оценку образа полководца, созданного писателями разных эстетических позиций. «В романах Л.Н. Толстого, Д.Л. Мордовцева, Г.П. Данилевского, — пишет Троицкий, фельдмаршал изображен как "дряхлый телом, но бодрый духом старый вождь", мудрый, хотя уже и безынициативный»ⁱⁱ. Хотя автор монографии ссылается на страницы произведений названных писателей, но подкрепляет он точки зрения и Толстого, и Мордовцева, цитатой из романа Данилевского «Сожженная Москва» с добавкой эпитетов «мудрый», но «безынициативный». Отметим некоторые особенности образа полководца, участника Бородинской битвы, в произведениях Толстого, Мордовцева и Данилевского.

Кутузов — одна из центральных фигур романа-эпопеи «Война и мир», и с ним связаны философско-исторические размышления Толстого. Он первым в мировой литературе показал значение морального фактора в войне. Бородинская битва стала победой русских, потому что на армию Наполеона «была наложена рука сильнейшего духом противника»ⁱⁱⁱ. По-Толстому, ум и многолетний опыт подсказывали Кутузову, что «руководить сотнями тысяч людей, борющихся со смертью, нельзя одному человеку... что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а... неуловимая сила, называемая духом войска...»^{iv}. Эта «сила» не плод фантазии Толстого. По письмам Кутузова видно, какое громадное значение он придавал моральному состоянию войск. 19 августа 1812 г. он пишет своей жене Б.И. Кутузовой из-под Гжатска: «Дух в армии чрезвычайный, хороших генералов весьма много». Через три дня близ села Бородина он сообщает ей: «Армия в

полном духе. Солдаты из Смоленска вынесли чудотворный образ Смоленской богоматери... »^v. В чем она заключается «эта неуловимая сила, - размышляет А. Генис, - у Толстого не показано»^{vi}. При внимательном чтении эпопеи эта «сила» проступает явственно. И Кутузов в Бородинской битве руководит «силой, называемой духом войска». По определению замечательного лингвиста Д.Н. Ушакова, "дух войска" - это бодрость, моральная сила, готовность к действию»^{vii}. Находясь в центре русской позиции, в Горках, Кутузов сменил после ранения Багратиона принца Виртембергского, требовавшего подкрепления, и послал генерала Дохтурова, более уверенного в своих действиях. Когда стало известно о пленении Мюрата, «штабные» услышали такие ободряющие слова полководца: «Сражение выиграно, и в пленении нет ничего необыкновенного». Одновременно светлейший князь «послал адъютанта проехать по войскам с этим известием ». Но при получении тревожной вести о занятии французами флешей и деревни Семеновское главнокомандующий не делает ее достоянием «штабных». Каким же способом это совершается? Кутузов, угадав по лицу Щербинина нехорошие известия и по звукам поля сражения, «встал, как бы разминая ноги, и, взяв под руку Щербинина, отвел его в сторону»^{viii}.

Для укрепления веры в победу, большего сплочения военной силы, придания торжественности предстоявшего дня генеральной битвы, по приказу Кутузова перед войсками пронесли икону чудотворной Смоленской Богоматери. Пьер Безухов видит главнокомандующего во время молебна в деревне Горки после объезда позиции: «В длинном сюртуке на огромном толщиной теле, с сутуловатой спиной, с открытой белой головой и вытекшим белым глазом на оплывшем лице»^{ix}. Толстой отмечает «ныряющую, раскачивающуюся походку» Кутузова, который прикладывает к иконе после молитвы солдат и ополченцев. Таким образом, в фигуре, движениях главнокомандующего нет ничего героического, кроме одной детали - «вытекший белый глаз». Она выразительна в портрете полководца и продолжает лейтмотивный способ портретной и жестово-мимической характеристики Кутузова, прозвучавшей в первом томе эпопеи, раскрывающем события 1805 года. Тогда полководец принял трудное решение, относящееся к отряду Багратиона. Андрей Болконский видит в тот момент в полуаршине от себя «сборки шрама на виске Кутузова, где измайльская пуля пронизала ему голову и его вытекший глаз»^x. Известно, что полководец дважды получил тяжелое ранение: под Алуштой в 1774 г. и под Очаковом в 1788 г. За мужество во время штурма Измаила в 1790 г. Кутузов удостоился похвалы Суворова, его имя стало известно в России. Толстой, соединив три разновременных события в одно, усилил значимость детали. Повторенная в связи с Бородинской битвой, она имеет символический смысл, «несет исторические ассоциации и придает образу эпический объем и масштабность»^{xi}.

На Бородинском поле Кутузов дает сокрушительную отповедь Вольцогену, посланнику Барклая де Толли, который, «видя только отбегающих раненых и расстроенные зады армии... решил, что сражение проиграно...»^{xii}. Светлейший князь уверен, что при Бородине будет одержана победа. Эта уверенность вытекала «из чувства, которое лежало в душе главнокомандующего так же, как и в душе каждого русского человека»^{xiii}. Но не только чувство Кутузова подсказывало, куда клонится победа. Большинство донесений свидетельствовало о победе: Толстой пишет, что «в центре французы не продвинулись далее Бородина», а «с левого фланга кавалерия Уварова заставила бежать французов», генерал Раевский сообщил главнокомандующему, что «войска твердо стоят на своих местах»^{xiv}.

Таким образом, толстовский Кутузов представлен деятельной натурой, вселявшей разными путями веру в победу. Он сменял командиров, требовавших подкрепления, назначал более уверенных в духе войска, давал отпор сомневающимся в победе. Характер деятельности Кутузова был особый, не похожий на деятельность других персонажей романа-эпопеи. В цитате, взятой Троицким из романа Данилевского, совершенно ускользает колоссальная работоспособность толстовского Кутузова. Специфический характер его деятельности не вызывает сомнений во владении им инициативой, а Троицкий подчеркивает его «безынициативность».

«Первое и необходимое условие всякого художественного произведения есть чувство меры, чувство художественного такта...», — говорил Толстой^{xv}. И вот это чувство

меры и такта изменяют Даниилу Лукичу Мордовцеву (1830-1905), автору исторического романа «Двенадцатый год» (1880). Образ Кутузова предстает пред читателем не в прямой авторской подаче, а через восприятие центрального действующего лица в романе, «кавалерист - девицу» Надежду Дурову. На Бородинском поле, во время встречи иконы Смоленской Богоматери, Дурова заметила впереди эскорта всадников «на массивном с толстыми ногами и густою гривой коне... массивное, ожиревшее тело с несколько приподнятою лысою головою, покоившеюся на жирной, с двойным подбородком шее. Все это тело, начиная от большого, свисшего к седлу живота и кончая толстыми обвисшими руками и ногами, плечи, опустившиеся книзу, толстые обвисшие щеки - все это казалось старчески дряблым, ожиревшим, осунувшимся». Ничего одухотворенного не увидела «кавалерист-девица» и в выражении лица: оно «гармонировало с остальным телом: один глаз смотрел как-то сонно, апатично, как это часто видится у стариков, а другой казался совсем мертвым, остеклелым. В этом осунувшимся на седле старом теле Дурова сразу угадала Кутузова». Получился жуткий в своей гротескности образ полководца, осознанное его снижение, когда автор романа описывает обнаженное тело Кутузова, не упомянув какой-либо детали униформы. Оценочная фраза «жалкая старческая фигура», исходящая как бы от Баркляя де Толли и подытоживающая наблюдения Дуровой, усиливает негативное авторское восприятие русского военачальника. Оно подчеркнуто и сравнением «ожиревшего лица Кутузова» с другим образом - «с лицом сфинкса под странной единственной в мире треугольной шляпой и с неразгаданными глазами на этом бледном лице». Отталкивающий облик полководца обнаруживается и при сопоставлении его с «энергическим, с сильным восточным типом лица Багратиона», с пробегающей по нему «добродушной улыбкой»^{xvi}.

Развенчание образа Кутузова продолжено Мордовцевым и далее. Когда полководец слезал с лошади, то «перетаскивал свою толстую, неповоротливую, точно чужую ногу через высокую луку седла». Во время осмотра им позиции свитские генералы молча переглядывались, косясь на старика, долго наводившего подозрительную трубу, который «со сдвинутой на затылок белою фуражкой походил на кормилицу в кокошнике»^{xvii}.

Переосмыслена Мордовцевым и легенда о появлении над Кутузовым орла. Эта «баба-птица» уже не предвестник победы: она «чует скорую поживу». Испугавшись громогласного «ура» в честь Кутузова, птица «метнулась в сторону»^{xviii}.

В день генерального сражения, «когда (по ложному представлению Мордовцева — В.Ф.) у нас все погибло, все было потеряно — и поле битвы, и укрепления, и села, и армия», «маститый главнокомандующий», с сарказмом пишет автор романа, — сидит на солнышке в четырех верстах от главного поля битвы, у сельца Татарина, и обглаживает беззубым ртом жесткое куриное крылышко. Лишь на один момент спокойная уверенность Кутузова покорила Дурову, когда он попросил ласково Ермолова что-нибудь сделать, чтобы ободрить войско. Но ободрение не состоялось. «Кавалерист-девица» стала свидетельницей ермоловской контратаки, когда началась «буквальна резня». Дурова «с ужасом ускакала из этого ада кромешного», увидев солдат, выносящих на ружьях раненого Ермолова. И она уже не верила Кутузову, услышав его разгромную отповедь Вольцогену. «Она верила тому, что видела сама»^{xix}.

Итак, концепция образа Кутузова, созданная Мордовцевым, противоположна толстовской. В романе «Двенадцатый год» используются эпизоды из «Войны и мира» при описании Бородинской битвы, но они так переосмыслены, что образ полководца методично развенчивается. Поэтому Троицкий неправоммерно ставит Мордовцева рядом с Толстым, объединяя их как единомышленников в разработке образа Кутузова цитатой из романа Данилевского «Сожженная Москва».

В этом произведении фигура Кутузова выступает в «изобразительных» сценах при Бородине, в Леташевке (под Тарутином), у Красного. Цитата «дряблый телом, но бодрый духом старый вождь» взята Троицким из картины пребывания главнокомандующего в Леташевке, когда светлейший князь обсуждал с Ермоловым замысел Фигнера убить Наполеона. Сцена с Кутузовым при Бородине появилась в романе в результате поездки Данилевского на Бородинское поле 8-9 июля 1885 г. Писатель останавливался в Михайловской мызе в небольшом имении, принадлежавшем его старинным друзьям Полянским. На память о посещении усадьбы друзей Данилевский посадил у крыльца дома дуб. Здесь, на мызе, накануне генерального сражения находилась штаб-квартира Кутузова.

В письме Н.Н. Полянскому Данилевский сообщал: «Очень буду рад, если ты и твои останутся довольны вставленной мною картинкой Бородинского боя, с уголком Михайловской мызы. Пусть любимое, дорогое место твоего отца станет через меня знакомым всей читающей публике»^{xx}.

Данилевский с топографической точностью описывает местонахождение штаб-квартиры Кутузова: расстояние до нее от Бородина, от Татаринова, от Горок, называет дороги, ручьи, расположение резервной кавалерии, пехотного корпуса Багговута. Несколькими штрихами, в динамике, показан главнокомандующий в день генеральной битвы: «От Михайловской мызы к Горкам на гнедом, горбоносом, невысоком коне несся в облаке пыли, окруженный своей свитой, Кутузов»^{xxi}. И еще две небольшие сцены, связанные с полководцем. Одна воссоздает момент, когда, стоя на бугре с Веннигсенем в Горках, Кутузов узнал, что на Курганной высоте взвился французский флаг. Светлейший посылает туда Ермолова, который спасает батарею. Вторая сцена — прибытие с донесением Вольцогена. Если у Толстого она описана широко и подробно, то у Данилевского набросана двумя предложениями. Светлейший не «кричал, весь покраснев», как это показано у Мордовцева, а «громко... возразил» флигель-адъютанту (у Данилевского).

Тепло и задушевно, пластично, с великолепным знанием военного быта, с минимальным вкраплением пейзажа, предстает штаб-квартира главнокомандующего в финале битвы: «Стемнело. Кутузов к ночи переехал в дом Михайловской мызы. Окна этого дома были снова ярко освещены. В них виднелись денщики, разносившие чай, и лица адъютантов. В полночь к князю собрались оставшиеся в живых командиры частей, расположившихся невдале от мызы. Здесь был, с двумя-тремя из своих штабных, и генерал Багговут. Взвод кавалергардов охранял двор и усадьбу. Адъютанты и ординарцы фельдмаршала, беседуя с подъезжавшими офицерами, толпились у крыльца. Разложенный на площадке перед домом костер освещал старые липы и березы вокруг двора, ягодный сад, пруд невдале от дома, готовую фельдъегерскую тройку за двором и невысокое крылечко с входившими и сходящими по нем...»^{xxii} В авторском сообщении главнокомандующий упомянут лишь дважды, но его присутствие чувствуется постоянно. Тревога и драматизм пронизывают всю эту сцену.

Отметим, что Данилевский, как и Толстой, тактично освещают образ Кутузова в Бородинском сражении. В арсенале художественных средств у них нет ни гротеска, ни сарказма, беспочвенно снижающих этот образ, в осмыслении которого не имеют ничего общего с Мордовцевым ни Толстой, ни Данилевский.

Мы показали, как формируется предвзятое отношение к образу Кутузова и в периодике, и в солидной монографии. Названная газета демонстрирует эпатажный подход, когда сообщает, что «фельдмаршал проспал всю войну», и противоположное: «...Кутузов, не выигравший ни одной битвы, выиграл войну». Это пример эпатажной мифологии.

Книга Троицкого о Кутузове, отделяющая зерна фактов от плевел мифов, умножает последние. На нашем примере фактами служат тексты романов Толстого, Данилевского и Мордовцева. Автор монографии одним махом очерчивает образ полководца, написанный тремя прозаиками, как будто они были Кукрыниксами от литературы. Вырванная Троицким из контекста романа Данилевского цитата показывает статичного, бездействующего Кутузова. Автор монографии усиливает искусственно созданную им статичность образа эпитетами «мудрый, хотя уже и безынициативный». (Много ли стоит мудрость старого вождя, лишённого инициативы?), и все это распространяет на трех авторов, в том числе на Толстого. Тем самым Троицкий выражает индифферентное отношение к творческой индивидуальности названных писателей, что нами выявлено при анализе их текстов о действиях Кутузова в Бородинской битве.

Опрощая образ до примитива, авторы и монографии, и газетного интервью затеняют один из ярчайших ориентиров славной для России эпохи 1812 года. Образ Кутузова стал «мобилизованным и призванным» в Великую Отечественную войну, в трагические дни нашей страны, когда нужно было принимать судьбоносные решения, взваливать на себя невероятный груз ответственности, честно служить Родине.

Тщетными являются и попытки изъять у Кутузова почетное народное «титло спасителя России». Они ненаучны, потому что не основаны на принципе историзма. Народный титул полководца закреплен в мемуарах современников Отечественной войны

1812 года, в том числе иностранцев. Так, французская писательница Жермена де Сталь вспоминала: «Я была взволнована, расставаясь с знаменитым маршалом Кутузовым, и не знала, победителя или мученика обнимаю я, но я видела, что он понимает величие дела, порученного ему... Прежде чем ехать, генерал Кутузов поехал помолиться в Казанский собор, и весь народ, который следовал за ним, кричал ему, чтобы он спас Россию. Какая минута для смертного!»^{xxiii}.

Народный титул Кутузова подтвержден, увековечен и гением Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Аргументы и факты. 2003. Сент. №38. С. 10.

ⁱⁱ *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 23.

ⁱⁱⁱ *Толстой Л.Н.* Война и мир. М., 1991. Т. 3-4. С. 247

^{iv} Там же. С. 230.

^v М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. IV, ч. 1. С. 108, 127.

^{vi} *Генис А.* «Война и мир» в XXI веке // Октябрь. 2003. № 9. С. 179.

^{vii} Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 1. С. 814.

^{viii} *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 230-231.

^{ix} Там же. С. 183.

^x *Толстой Л.Н.* Война и мир. М., 1991. Т. 1-2. С. 192.

^{xi} *Кагарманова М.Ш.* Человек и история в художественной системе романа-эпопеи «Война и мир». Стерлитамак, 2002. С. 36.

^{xii} *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 3-4. С. 231.

^{xiii} Там же. С. 233.

^{xiv} Там же. С. 231, 232.

^{xv} Цит по: *Лакишин В.* Интервью с Львом Толстым // Лит. газета. 1984. №26. С. 7.

^{xvi} *Мордовцев Д.Л.* Двенадцатый год: Исторический роман в трех частях // Гроза двенадцатого года. М., 1991. С. 433.

^{xvii} Там же. С. 434.

^{xviii} Там же. С. 437.

^{xix} Там же. С. 451.

^{xx} *Енишерлов В.* Письма автора «Сожженной Москвы» // Времен прослеживая связь. М., 1985. С. 28.

^{xxi} *Данилевский Т.П.* Сожженная Москва: Исторический роман. М., 1957. С. 79.

^{xxii} Там же. С. 82.

^{xxiii} Русские главы из книги Анны Луизы Жермены де Сталь «Десятилетнее изгнание» // Война 1812 года и русская литература. Тверь, 1993. С.158.